

АРЕАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОСНОВАНИЯ, ПРЕДЕЛЫ, ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ

В.Л. Каганский,
Институт географии РАН

Исследование использует, иногда развивает и уточняет общие подходы, методы и результаты следующих авторов: Арманд А.Д. (представление о ландшафте); Зауэр К. (культурный ландшафт), Кордонский С.Г. (несуществование общества в западном смысле на территории РФ); Костинский Г.Д. (типы пространств); Крылов М.П. (территориальная идентичность как таковая и территориальная идентичность мест России); Плюснин Ю.М. (распределенный образ жизни); Родоман Б.Б. (теоретическая география и культурный ландшафт, сетевые пространства); Семенов-Тянь-Шанский В.П. (культурный ландшафт); Смирнягин Л.В. (территориальная идентичность), Шрейдер Ю.А. (представление о системах, типы отношений). Статья написана с позиций теоретической географии линии В.П. Семенова-Тянь-Шанского – Б.Б. Родомана и использует ее инструментарий. Рассмотрены основания и пресуппозиции суждений касательно пространственной (территориальной) идентичности. Проанализированы сложившиеся представления о такой идентичности как ареальной. Выявлены типы пространственной идентичности, несводимые к ареальной. Введено представление о моноидентичности и полиидентичности территории. Впервые рассмотрен ряд новых типов идентичности, соответствующих современному культурному ландшафту, имеющему сетевую форму и диспозиции социальных групп в нем. Введено представление о линейной, пограничной и сетевой пространственной идентичности. Все рассматриваемые и упоминаемые конкретно-географические ситуации основаны – помимо прочего – на собственных полевых исследованиях.

***Ключевые слова:** идентичность, идентичность пограничная, идентичность пространственная, идентичность сетевая, ландшафт, культурный ландшафт, полимасштабность, теоретическая география.*

Я буду рассматривать пространственную идентичность как таковую и обращу внимание на то, что существуют не только доминирующие типы идентичности, лежащие в основе соответствующей парадигмы идентичности (по край-

ней мере, как она сложилась в России), но и совсем иные, которые пока занимают крайне периферийное место и обычно даже не рассматриваются.

*Я выступаю здесь под знаменем **теоретической географии** (она предпола-*

ет и путешествия теоретика). Выскажусь кратко про теоретическую географию – это концептуальное учение о пространстве культурного ландшафта. Когда мы говорим о **территориальной идентичности**, то имеем в виду идентичность в некотором достаточно сложно структурированном пространстве. *В бесструктурном пространстве невозможна никакая территориальная идентичность*. Отсюда и категория «культурный ландшафт», которая наилучшим образом описывает эту структуру, или, вернее, морфологию. **Культурный ландшафт** – опишу предельно кратко – *пространственное единство тел, форм, смыслов и функций*; именно в так понятом ландшафте возможна полноценная телесная, душевная и духовная жизнь личности и группы; атрибут полноценного культурного ландшафта – его самосознание и самописание. Пространственная, функциональная, символическая, культурная etc морфология ландшафта сложно сопряжены, не копируют друг друга. Теоретическая география, в моем понимании, изучает формы (с чем согласен Б.Б.Родоман) и смыслы культурного ландшафта (тут он высказывает некоторые сомнения).

Статья имеет ряд основных задач. Во-первых, изложить новые типы пространственной идентичности, во-вторых, соединить идентичность с представлениями о пространстве культурного ландшафта. И, в-третьих, коль скоро складывается и, по моему, уже сложилась отечественная парадигма исследования пространственной идентичности, попытаться на эту парадигму посмотреть со стороны культурного ландшафта и ее проблематизировать.

Понятие территории предельно размыто – может быть, это и хорошо, – но его никак не удастся конкретизировать. Здесь необходимо вспомнить старые, но очень ценные работы Г.Д. Костинского, где он различает территорию, место, район и пространство. *При рассмотрении пространственной идентичности по умолчанию предполагается, что есть отношения между группой (личностью) и некоторым ареалом, выделенным изначально не случайно, в некотором смысле*

реальным и даже особым в смысле реальности; относительно далеко не всякой пространственной отдельности осмыслен вопрос о пространственной идентичности, относится это и к группам людей. Пространственная идентичность в случайном фрагменте пространства вряд ли существует, или иначе – вряд ли здесь осмысленно применять понятие идентичности. Предполагается, что между ареалом и определенной группой и личностью есть разные отношения, одним из этих отношений и является идентичность. Есть разные виды пространственных отношений между группами и ареалами, и далеко не все из них являются отношениями идентичности, даже насыщенные интенсивные отношения. Так, у меня – особые, весьма лично значимые отношения с Санкт-Петербургом, но это не значит, что моя личная и/или профессиональная, территориальная идентичность включает Петербург как отдельность (он – составная часть Севера и Центра Европейской России). У меня с ним достаточно сложные отношения. А, скажем, с Нижним Тагилом, который я тоже знаю, нет ровно никаких личных отношений.

Но что именно нужно, чтобы это отношение между группой (личностью) и некоторой выделенной территорией перешло в идентичность? На мой взгляд, это особые эмоциональные, когнитивные и даже духовные связи личности / группы и определенной территории. Не просто отношение личности и группы, не просто особая эмоциональная связь. У личности и группы есть определенная специфика, как и у территории, и в этой связке и существует идентичность.

Специалисты по идентичности, по моему, явно недоговаривают, что *в реализации идентичности необходима ощущаемая специфика определенной территории и определенной группы*. Идентичность в определенном смысле и есть ощущение, проживание и даже рефлексия (чаще нерациональная) специфика «своей» территории на уровне группового и личного сознания. Без знания / понимания / ощущения специфика «своего места» проживание пространственной иден-

тичности, по крайней мере интенсивное проживание, просто нельзя помыслить. Но в силу самого понятия «специфика», предполагающего фон сравнения, пространственная идентичность – явно или неявно – носит сравнительный характер. Однако в силу множественности и разнообразия групп на одной территории существуют и сосуществуют разные идентичности. Это почти очевидно, но сложившаяся парадигма осмысления пространственной идентичности неявно предполагает *моноидентичность, то есть одно-однозначное отношение между населением территории и самой территорией.*

Учитывая, что разные группы одной и той же территории «вырезают» в ней разные аспекты и пространственные локусы, *следует понимать пространственную идентичность как много-многозначное отношение «территория – обитатели».* То, что на одной территории существуют разные идентичности – это следствие как устройства культурного ландшафта (полиморфизм – в идеале – любого места), так и полиморфизма населения всякой территории. Моноидентичность – это крайний, полностью вырожденный случай, но отнюдь не норма или основной случай идентичности. При исследовании идентичности (не только вообще при исследовании культурного ландшафта) необходимо разбираться со сложной коалицией групп и соотнесенной с ней сложной коалицией мест. Такие коалиции можно и нужно выявить независимо и до обращения к ситуации идентичности, хотя последняя, в свою очередь, должна использоваться для коррекции и интерпретации этих коалиций, хотя бы в силу того, что полноценное место сопровождается яркой идентичностью, что может быть использовано как его индикатор. Крайне важно изучать места и группы: первые – в аспекте генерирования идентичности (по этому признаку места различаются) и группы – в аспекте значимости для них именно пространственной идентичности и ее типологического разнообразия. Было бы интересно и важно разобраться, что это за группы – носители разной идентичности одной и той же территории (по крайней мере по объему, экстенционально).

Как ни странно, но я, москвич, питерскую идентичность знаю лучше, чем московскую, за счет большей сложности и структурированности внутреннего и внешнего пространства Петербурга. Для одних групп жителей эти отношения усугубляются с одним большим Петербургом – массовая идентичность. Для петербургской элиты, а она меньше, чем в Москве (но гораздо определеннее), действует четкая идентичность, связанная не с отдельными частями этого города, а с Петербургом в узком и точном смысле (различая и отделяя его от Ленинграда). У ленинградской части нынешнего Петербурга тоже есть свои множественные, совершенно локальные идентичности. В теле одного образования есть несколько групп, у каждой из которых есть своя территориальная идентичность.

Предполагаю, что и в Перми тоже налицо фрагментированная идентичность, связанная с определенными местами.

Здесь я буду больше говорить не о специфике групп, это не моя специальность, поскольку я позиционирую себя вообще, и в этой работе в частности, как теоретико-географ, методолог и культуролог, а не социолог. Тем более, я не уверен, что научная социология в нашей стране состоялась, поскольку для этого необходимо иметь единое структурированное общество, спаянное одними ценностями и институтами. Про социологию я не могу ничего говорить, для меня это совершенно непонятная вещь. При этом отнюдь не я один такой радикальный. Скажем, такие глубокие социологи, как Сергей Белановский или Симон Кордонский также отрицают единство общества и отрицают в этом смысле отечественную социологию. В ответ отечественная социология отрицает их полностью.

Что такое ареальная идентичность, на чем держится представление об ареальной идентичности? Образцовой работой по ареальной идентичности, на мой взгляд, является книга М.П. Крылова. Он рассматривает исторические и культурно фундированные ареалы городов, как правило, с историей и самосознанием, где естественно обнаруживается выраженная идентичность. Если вы возьмете карту РФ и по-

смотрите на нее как на изображение, не считывая политического содержания, то увидите, что это совокупность ареалов. Тогда региональных идентичностей, соответственно, ровно столько, сколько регионов РФ. Это очевидный ход, тем более что для политолога пространство – это все-таки совокупность более или менее однородных ареалов. Однако копирует ли идентификационное структурирование пространство какую-либо внешнюю его структуру – либо в аспекте идентичности структура ландшафта носит оригинальный характер?

Сложившаяся парадигма предполагает наличие идентичности у каждого из политически фундированных ареалов и вообще априорно заданной структуры пространства. Но тогда региональных идентичностей, соответственно, столько же, сколько регионов РФ. К примеру, концепция «Остров Россия» В.Л. Цымбурского (это очень яркое видение геополитической и геокультурной идентичности России, но, по-моему, совершенно неадекватное) видит пространство исключительно как совокупность однородных ареалов, на которых уже образовывалась некоторая структура.

Вот этот ареальный подход сводит реальный культурный ландшафт к пространству простых и даже однородных ареалов; вряд ли такая редукция правомерна, а если и правомерна, то она приводит к бедному представлению о территории и тогда обязательно ведет к содержательно очень бедному представлению о пространственной идентичности. Она имеет продолжением и следствием представления о том, что и само ментальное пространство устроено структурно гомологично или даже изоморфно. Ведь понятно, что идентичность передает отношение группы не к физически заданному пространству или политически формально расчерченному пространству, а культурно (ценностно) маркированному пространству – культурному ландшафту.

Не знаю, как относиться к идентичности Арктики, как насчет идентичности самого Северного Ледовитого океана? Дело в том, что он не населен, но там постоянно пребывают определенные группы – полярники, туристы, тем более что стали

популярны туры к Северному полюсу, там есть меняющееся население. Но в то же время, как культурное пространство, кроме выделенной точки Северного полюса оно не размечено. Мне кажется, важно было бы изучать еще и экстремальные типы идентичности, организовать, скажем, экспедиции в Антарктиду. Это не безумие. Один мой коллега по институту постоянно ездит изучать почвы в Антарктиде. Я его спрашиваю, ну какие же там почвы? Он говорит, что почв там почти нет, но есть проект Международного географического союза, поэтому можно изучать сам процесс почвообразования. Хотя на крошечных пятках, первичные почвы там уже сформировались.

Для всех ли территорий характерен феномен идентичности? Есть ли какие-либо пространства, для которых сам вопрос о пространственной идентичности лишен смысла, и мы не можем говорить об идентичности? Можно ли говорить об идентичности сферических квадратов, образованных сеткой параллелей и меридианов? (Можно говорить об идентичности – а можно говорить о сознании и самосознании территории, места, территориальном самосознании и проч.).

Среди многих разных идентичностей (политической, семейной, сексуальной, культурной, персональной и мн. др.) есть и территориальная идентичность. Как она встраивается в этот ряд? Понятно, что в одном человеке совмещается несколько видов идентичностей. Территориальная идентичность – это ее один вид из ряда идентичностей или это что-то большее и другое?

Мне ближе термин «пространственная идентичность», чем «территориальная идентичность», за счет большей общности категории пространства. Не отрицаю возможности существования выражения «территориальная идентичность», но обычно речь идет именно о пространственной идентичности. Во-первых, можно говорить о *мономасштабной* и *полимасштабной идентичности*. Полимасштабная идентичность есть локальная (представление своего квартала, своего города), региональная, страновая и т.д. идентич-

ность. Скажем, пространственная идентичность Гете, который был не только писателем и поэтом, но и выдающимся ученым, его пространственная идентичность охватывала Солнечную систему, он ощущал себя немцем, европейцем и жителем солнечной Системы (не только). В то же время, например, для группы бомжей, деградировавших не только в социальном отношении, но и в культурном и интеллектуальном, характерна мономасштабная идентичность, притом очень бедная, хотя и вполне функциональная (привязка к источникам ресурсов). Пространство поделено очень четко у бомжей. Это два полюса: полимасштабная идентичность; скажем, Гете, и мономасштабная идентичность бомжей. Не бродяг, бродяги пользуются большими пространствами.

Здесь возникает вопрос, для всех ли территорий характерен феномен идентичности или на карте идентичности будут пустые места. Я считаю, что *представление об идентичности не двухслойное: «группа – территория», а трехслойное: «группа – некоторое представление о территории в культуре – территория»*. Потому что когда читаешь конкретные описания идентичности и беседуешь с носителями этой идентичности, возникают трудности и неоднозначности интерпретации. Я имел возможность содержательно общаться с представителем очень яркой и глубокой пермской идентичности. Было понятно, что для него Пермь предстает как ареал, структурированный культурно, сводящийся к совокупности культурно маркированных мест и связывающих их маршрутов, а не к самому пятну на карте; существующий в разных масштабах – от небольших (но ярких) локусов города до общероссийской идентичности. (Хотя открытие именно в Перми пермской геологической системы могло бы продуцировать и глобальный компонент пермской идентичности).

Это важный вопрос – каково то пространство, относительно которого мы можем говорить об идентичности, региональном сознании и самосознании. Существует понятие референтной группы, группы значимых персонажей, среди ко-

торых есть персонажи реальные, есть люди предшествующих поколений, с которыми невозможна уже никакая непосредственная связь, есть некоторые вымышленные персонажи (литературные, мифологические и прочие герои). Чтобы было понятно, скажу, что в мою референтную группу входит живущий ныне Б.Б. Родоман, ныне покойные Ю.К. Ефремов и Ю.А. Шрейдер; в эту группу входит и Аристотель. *Ничто не мешает наметить путь экспликации представления о пространственной идентичности, введя представление о референтном ареале.*

Следующий вопрос, который возникает: идентичность – это работа с образами в классическом понимании, я бы сказал, с образами в дозамытинском понимании. Обсуждая образ в таком традиционном и, по моему, более определенном смысле, можно говорить об адекватности образа. Так вот – *идентичность работает с адекватными образами или ценностно-смещенными?* Думаю, что с ценностно-смещенными. Но известные мне примеры идентичности, кажется, это чрезмерное ценностное смещение за счет адекватности. Даже в городах, которые представляют собой большую промышленную помойку, образ территории очень позитивный.

Такую позитивную идентичность я наблюдал в 1997 г. в Норильске. Норильск – это город, в котором нельзя полноценно жить в силу географических условий, экологической катастрофы и зловещей переработанной истории; город, построенный заключенными; окрестности его полны не захороненными человеческими останками, что для русской культуры недопустимо. Идешь по тундре – вот тебе цветы, вот грибы, вот черепа и т.д. При этом жители очень гордятся своим городом, довольны своими заработками. «Слабаки у нас не выживают, и это правильно», – сказал один из местных таксистов. Вот, казалось бы, все негативно в этой территории, а образ позитивный, оптимистический. Кстати, там построена одна из самых больших мечетей на территории России. Там гордятся А.П. Завенягиным, он воспринимается там как герой-демиург.

Пространственная идентичность – это связь группы не с одним пространством, а, по меньшей мере, с двумя. Буквально данное нам пространство, которое моделирует сейчас карту региона, и я боюсь, что очень скоро подавляющее число людей будет считать, что ландшафт устроен так, как показывают карты Гугла, и образное, культурно размеченное пространство, относительно которого только и возможна идентичность. На эту тему был спор с В.А. Николаевым: может ли быть образ у природного ландшафта, он уверяет, что может. Я считаю, что если у территории есть образ, то это уже культурный ландшафт. Наличие образов, предполагает наличие людей в этом пространстве. Антарктида в этом смысле – культурный ландшафт, безотносительно наличия там нескольких сот полярников.

Одно пространство моделирует другое пространство, и к культурному, ценностно-размеченному возможна идентичность. Причем, культурное пространство – это не модель и не калька первого. Это пространство, сведенное к нескольким локальным точкам. Боюсь, что следующее поколение пермяков будет считать, что «зеленая линия» – это не культурный конструкт, а нечто исторически заложенное, вроде Золотого кольца. Многие считают, что это не название маршрута, а то, что это города Золотого века России. Переубедить жителей «территории Золотого кольца», что это не так, уже невозможно, хотя на моих глазах возникло понятие Золотого кольца как туристического маршрута.

В реальном сообществе – его реальность можно установить по социальным связям, единству норм, ценностей и общественных институтов – характерна гетеромасштабность – сочетание нескольких масштабов, но не иерархия масштабов, как обычно, не матрешечное вложение. Сейчас налицо и гетеромасштабность, и полимасштабность. Гетеро – это значит разнообразие масштабов. Хоть и считается, что наука стремится к упрощениям, на мой взгляд, есть по умолчанию чрезмерное упрощение. Такое упрощение, фундамирующее самое представление о пространственной идентичности, – аре-

ал и жители этого ареала; оно кажется самоочевидным, простым и понятным (ниже я покажу, что это отнюдь не так). Несомненно, такая картина была характерна для малых городов России XIX века.

Какова же ситуация для идентичности? Когда читаешь про идентичность Челябинской области, туда обязательно попадает мифологизированный Аркаим. И дело доходит до того, что в коротком описании идентичности региона обязательно фигурирует Аркаим в связи с жизнью там Заратустры и т.д. Заратустра – реальный лишь мифологический персонаж, но никаких реальных доказательств его пребывания на территории Челябинской области просто нет. Культура предполагает сочетание реальных персонажей и культурно значимых мифологических фигур, но относится ли это к местам? Можем ли мы построить региональную идентичность, опираясь не на места, а только на культурные персонажи или даже на литературных героев? Так, мы себе можем представить региональную идентичность Урала (как и Урал в аспекте культурного ландшафта) без движения бажовцев (по имени известного уральского писателя). Это одна из самых больших литературно мотивированных групп. По некоторым оценкам, в бажовском движении участвует несколько сот тысяч человек. Много ли у нас литературных произведений, которые породили бы такие группы? Есть толстовцы, специалисты по Достоевскому, Пастернаку, но чтобы это фактически была новая религия...

Вот вопрос, а каково соотношение масштабов? Действительно ли все так хорошо устроено, что у каждой группы есть полный масштабный спектр? Например, Екатеринбург, средний слой социальной пирамиды. Есть идентичность своего района Екатеринбурга – город очень фрагментирован, есть возрастающая идентичность Екатеринбурга. И здесь я не согласен с М.П. Крыловым, который считает, что современное индустриальное развитие, скорее, идентичность размывает и разрушает – оно может резко ее усилить (не говорю – обогатить или усложнить). В Екатеринбурге сильная и усиливающаяся

пространственная идентичность вследствие бума города и его динамизма, расширения связей и сферы влияния. Налицо и явная макрорегиональная общеуральская идентичность.

Вообще, выраженная макрорегиональная идентичность носит яркий характер лишь в двух макрорегионах современной России: на Дальнем Востоке (негативный характер – «мы заброшенные» и т.д.) и на Урале, где она носит явно ценностно-позитивный характер, включающий не только экономический успех, но и понимание природного и культурного ландшафта. В Екатеринбурге всегда добавляется представление о столице Урала, хотя оно ослабевает; по экспертным наблюдениям, Екатеринбург избрал стратегию вертикального развития и стал несколько отрываться от Урала, но общеуральская идентичность там есть. Есть общероссийская, разумеется, идентичность, есть проживаемая советская идентичность. Вот у этого среднего слоя спектр масштабов уже заканчивается. У элиты есть представление о вложенности в Северную Евразию. Планетарной идентичности у екатеринбургской элиты я не наблюдал. А у петербургской элиты есть и общепланетарная идентичность. Хотя экономические справочники не помещают Петербург в число мировых городов, но это явно мировой город.

Бывают случаи, когда какие-то масштабы «вылетают». Это трудно зафиксировать, кроме как путем экспертизы (но никак не социологических опросов). Для определенных групп в Москве характерна московская – городская идентичность, но нет идентичности Московского края или Центральной России, после идет сразу общероссийская, общесоветская, и мировая. То есть такой масштабный спектр с провалами. Какой-то европейской идентичности у этих людей я не видел. Здесь мы имеем разрывный масштабный спектр. Если мы представим себе абстракцию идеального ландшафта, то там у всех значимых групп должен быть полный неразрывный спектр идентичностей. Кстати, у той же петербургской элиты я такого разрыва не видел, поскольку есть очень четкое представление о структури-

рованном пространстве Северо-Запада России, включая еще и бассейн Балтики. Петербург предстает как столица российского Севера. Очень многослойная идентичность, но это достояние немногочисленной элиты, первых сотен и тысяч лиц.

На мой взгляд, *территорию и надо диагностировать по полноте масштабного спектра*, тем более что картография позволяет построить пирамиду и показать при каких ситуациях есть провалы. Можно выделять типы пространственной идентичности по значимым масштабам.

Недавно я путешествовал по Тотьме (Вологодская область) и ее окружению. Если брать культурную элиту, которая есть в этом малом городе, то ее пространственная идентичность включает в себя Русский Север, а воспоминания о прошлой идентичности охватывают огромные территории; там поражаешься, что маленький и бедный город породил собственный архитектурный стиль – тотминское барокко. В XVII веке купечество было доминирующей группой, и вот пример формирования большой идентичности. Эти купцы конкурировали со столичными по изобретательности, разработали и реализовали проект, благодаря которому были построены храмы. Они объединялись в товарищества, формировали финансовые экспедиции, ездили на Урал, где на металлургических заводах для них делали специальные изделия. Они обменивали их на железы тюленей и моржовый клык и везли их в Китай, где те пользовались большим спросом. Они закупали в Китае чай особых сортов и везли, продавали его на ярмарках. Это занимало полтора года. Это формировало представление о большом пространстве, в котором реализуется жизнь не только хозяйственная, но и культурная. Нужны были переводчики. Это пример того, как деятельность определенной группы, города, в котором, казалось бы, кроме локальной идентичности больше ничего быть не могло, формировала большую идентичность; масштабный спектр идентичности полон. Это пример полного спектра идентификационных масштабов, но эксцентричной идентичности, коммерчески мо-

тивированной. Сейчас это пытаются восстановить за счет небольшого, но растущего потока туристов.

Ландшафт устроен совсем не так, как его обычно представляют. Определенные категории людей живут не в компактных ареалах, а по определенным линиям, по которым они перемещаются, – можно говорить о **линейной идентичности**. Мне посчастливилось, когда я ехал на одну из конференций в Мантурово, пообщаться с опытными профессиональными машинистами, которые значительную часть жизни проводят в дороге. Я им задал вопрос, сколько ночей они ночуют дома, сколько вне дома. Оказалось, что больше вне дома. Характерно, что эти люди как родное пространство воспринимали все пространство, по которому они водили электровозы. Можно сказать, что это малая группа, но общество все больше состоит из малых групп. *Можно говорить о такой линейной или трассовой идентичности.* Или, скажем, контролеры трубопроводов, моряки, шоферы-дальнобойщики и др. Их жизненный мир представлен как линия. Линия – это ареал, в котором одно измерение на порядки превосходит другое. То есть *ареал - не единственный вариант жизненного мира*. Понятно, что такие линейные ареалы пересекаются, но тогда пространство идентичности к ареалам не сводится и на ареалы не раскладывается.

Даже привычная ареальная идентичность, по-видимому, сводится к точечной, поскольку обыденное сознание мыслит территорию как совокупность отдельных локальных объектов; сплошное видение территории как сложноструктурированной – удел лишь профессионального сознания почти одних географов. Можно говорить о точечных идентичностях. Если эти точки организованы в какие-то кластеры, можно говорить о *роевых идентичностях*. Ну, скажем, совокупность поселков, образующих город. Например, город Братск – общebritская идентичность. На карте он представляет собой рой отдельных поселений, которые бы могли быть разными городами. Общebritская идентичность слабее, чем идентичность

поселков, но она есть – но она *роевая*. Аэропорт обслуживает совокупность всех этих поселков. От аэропорта до самого дальнего из этих поселков 90 км.

Можно ли говорить о пространственной идентичности, если пространство не связно? На мой взгляд, можно, дело не в связности пространства, а наличии в нем определенной структуры. В случае Братска – это рой, но рой, внешним образом структурированный.

Какие еще могут быть, на мой взгляд, территориальные идентичности? Известно (или, вернее, малоизвестно), что *около половины жителей России ведут разделенный образ жизни*. Первая самая отчетливая группа – это отходники. По официальным данным, их около 3 млн, по оценке крупнейшего эксперта в этой области Ю.М. Плюснина – их около 12 млн. Существеннее другая категория, так называемых дачников. До полутора миллионов москвичей уезжают на свои дачи в радиусе до 500 км на летний сезон; для страны в целом для дачников я даю минимальную оценку в 20 млн человек, жизнь которых протекает в двух отдельных местах. Это отнюдь не только пенсионеры или лица свободных профессий. У многих сезон длится с мая по октябрь. Фактически разделенный поровну образ жизни. Что говорить про этих людей: что у них две идентичности? Или двухуровневая в пространстве идентичность? Я не знаю. Но идентичность у них есть. Я не имею в виду ситуацию, когда человек уходит в армию, а потом возвращается, или ситуацию смены места жительства. Ситуация стабильна, просто она динамична. Такая маятниковая миграция, только в другом временном горизонте, не в горизонте суток и недель, а в горизонте года. Что с этим делать непонятно, но число дачников и отходников не уменьшается, а число «гастарбайтеров» увеличивается; прибавим сюда и значительное число жителей России, проводящих немало времени за пределами РФ. *Это реальный исследовательский вызов!*

И вот, наконец, границы. В будущем году будет 40 лет, как я получил в этой области результаты, которые цитируются до

сих пор. Хотя цитируются иногда анекдотическим образом. При всей тривиальности различия границ на барьерные и контактные, как ни странно, додумался до этого я первый. И вот я получаю письмо из Академии приграничной службы, которая проводит какую-то помпезную конференцию «Граничная и контактная функция российской границы». Я им пишу вежливый ответ, что это авторские понятия, на этом наша переписка заканчивается.

Конечно, *граничная идентичность* тоже является линейной, но характерное направление линейной идентичности – вдоль этого пространства, а для границы характерное направление – поперек границы. Можно говорить о контактно-буферной граничной идентичности. Вот есть такая идентичность ареала, для которого характерна некоторая переходность. Как ни странно, это было не очень яркое явление в СССР, потому что никакие переходные зоны не допускались. Наличие границы не только как символической, но и как препятствия, актуализируют вот такую идентичность.

Контактная идентичность, о которой можно говорить отдельно. Для очень многих территорий не их специфика, а реальная или мифологическая граница служит важным компонентом идентичности. Таким была бывшая граница СССР, эта идентичность культивировалась, а сейчас это граница Европы и Азии. Причем даже в тех местах, где эту границу перенесли. В Оренбурге знак границы Европы и Азии – культовое место, в том смысле, что туда ездят свадьбы, это выделенный символически локус в пространстве города. В общеуральской идентичности (явно налицо, но у меньшинства) доминирует не то очевидное представление, что если есть какой-то макрорегион, за счет которого держится целостность России, то это Урал. Нет, распространено представление об Урале как «нанизанном» на границу Европы и Азии, причем это представление массово и совершенно не артикулировано. Географическое общество потратило бешеные миллионы на выяснение границы, потому что решено было провести ее с точностью до сантиметра.

Очень выражена *барьерно-форпостная граница*, в разных местах, в разное время на границе, скажем, в Калининграде, которая одновременно дает чувство ощущения себя в центре Европы и форпоста России. На Южном Сахалине – острое ощущения форпоста. Эти мнимые границы, но они могут быть очень важными в региональной идентичности. (Тогда пространственный базис идентичности состоит – как комплексное число – из действительной и мнимой частей). Но вот жители территории около МКАДа такого форпостного сознания не проявляют, т.е. граница города такого не порождает. И тут надо разбираться какие границы это порождает, а какие нет.

А теперь самый радикальный тезис. Раньше, скажем, в XIX веке, *ландшафт представлял собой совокупность очень многих локальных ареалов*. Современный ландшафт надо мыслить соответственно его неоднородности, причем внутриареальные неоднородности – это *сеть*. Население живет не в ареалах, а в сетях. Если выразиться методологически корректно, то следует сказать так: для современного культурного ландшафта характерна сетевая (полисетевая) форма и точное описание пространственного распределения населения (формы расселения) означает описание его приуроченности не к ареалам, а к сетям. В зоне «паровозного гудка» живет 99 % населения РФ. Население оседает вдоль сети. Причем это явление общее и сильное, не только российское, но и общемировое, полимасштабное. Современный социум становится переплетением сетей частных групп: этнических, культурных, даже сексуальных меньшинств. *Ландшафт это не лоскутное одеяло (метафора уходящей натуры), а ковер – сложное переплетение разноцветных нитей* – это, соответственно, разнообразные группы, еще и природные ландшафты. В ином аспекте ландшафт сейчас суть сложное переплетение таких сетей, как природно-экологическая (эконет), урбанистическая, культурная и мн. др. *Ландшафт - это полисетевой ковер*. Вопрос в том, какова идентичность такого пространства, какие именно компонен-

ты сети соответствуют частным локальным ареалам? *Сетевая идентичность должна быть налицо.* Какова она? Чем она отличается от реальной? Сетевая идентичность есть, но она какая-то другая. С ареальной идентичностью все понятно, но это уходящая натура. Когда мы сетевое пространство изучаем как ареальное, мы просто чем-то пренебрегаем? Или мы радикально искажаем картину – я думаю, что последнее. В сетевом пространстве идентичность есть, но она какая-то другая.

Вероятно, что человеческие сообщества всегда обладали идентичностью, но когда начали это изучать? Модное пред-

*ставление об идентичности парадоксально. С одной стороны, оно остро современное, но рассматриваемая пространственная идентичность уже не отвечает реально существующему пространству ландшафта. В одном аспекте представление об идентичности – модно, значит, ориентировано на будущее, но критикуемая здесь парадигма пространственной идентичности ориентирована на прошлое. Уходящий и во многом ушедший ландшафт, «уходящая натура», – ареальный, но современный ландшафт – **постареальный**. И только традиционные группы живут еще в ареальном пространстве.*

AREAL PARADIGM OF TERRITORIAL IDENTITY: FOUNDATIONS, LIMITS, BEYOND LIMITS

V.L. Kagansky

The study uses, sometimes develops and refines the general approach, methods and results of the following authors: Armand A.D. (the idea of the landscape); Sauer, K. (cultural landscape), Kordonsky S.G (the nonexistence of society in the western sense on the territory of the Russian Federation); Kostinsky G.D. (types of spaces); Krylov M.P. (territorial identity as such and territorial identity of Russia); Plyusnin, Y.M. (distributed lifestyle); Rodoman B.B. (theoretical geography and cultural landscape, network space); Semenov-Tian-Shansky V.P. (landscape); Smirnyagin L.V. (territorial identity), Schreider Y.A. (the notion of systems, types of relations). The article is written from the viewpoint of theoretical geography line Semenov-Tyan-Shansky-Rodoman and uses its tools. Considered grounds and presupposition judgments about spatial identity. Analyzed the prevailing ideas about such identity as areal. Identified types of spatial identity is not reducible to areal. Introduced the idea of monoidentate and polyidentate territory. First considered a number of new types of identities corresponding to the modern cultural landscape, which has network space form and the disposition of social groups in it. Introduced the idea of linear, edge and network spatial identity. All considered and referred to specific geographical situation based - among other things - on their own field research.

Keywords: identity, identity edge, the spatial identity, network identity, landscape, cultural landscape, polimasshtabnye, theoretical geography.

Сведения об авторе

Каганский Владимир Леопольдович, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН (ИГ РАН), 119017, г. Москва, Старомонетный пер., 29; e-mail: kaganskyw@mail.ru

Материал поступил в редакцию 16.10.2014 г.